Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).
Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 811.161.2'42+811.161.1'38
ББК Ш141.14-51+Ш141.14-55 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55* *Код ВАК 5.9.8*

Марина Владимировна Никифорова
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия, armada29@yandex.ru, SPIN-код: 9837-0812, https://orcid.org/0000-0002-0635-7065

Метафорические образы Вооруженных сил России в украинских Telegram-каналах (на материале публикаций за период с февраля 2022 по февраль 2023 года)

АННОТАЦИЯ. *Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении особенностей метафорической репрезентации образа российской армии в украинских Telegram-каналах в первый год российско-украинского конфликта. Материалом исследования послужили метафорические словоупотребления в публикациях Telegram-каналов двух украинских медийных личностей — Ю. Бутусова* и А. Арестовича**. Выявляются наиболее частотные метафорические модели, составляющие образ российской армии, определяются их оценочные векторы и прагматический потенциал. Исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивного подхода с опорой на положения теории концептуальной метафоры, теории метафорического моделирования, а также отдельные положения лингвокультурологии и лингвистики информационно-психологической войны.*

В результате анализа выявлено, что основная функция концептуализации ВС РФ посредством метафорического моделирования в украинских Telegram-каналах — создание и культивирование образа врага, заключающееся в его обезличивании и полной дегуманизации. Наибольшую частотность при формировании образа ВС РФ продемонстрировали метафора нечисти, анималистическая метафора, метафора удобрения и метафора транспортного средства. Дегуманизация врага как основной прагматический посыл всех выявленных метафорических репрезентаций осуществляется двунаправленно: ВС РФ предстают, с одной стороны, как глупая грубая сила, приносящая смерть и разрушение, а с другой стороны, как беспомощная жертва и безликая масса, брошенная украинским войскам на уничтожение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация, политический дискурс, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, телеграм-каналы, социальные сети, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, информационно-психологическая война, образ России, образ врага, концептуальные метафоры, метафорический сценарий, концептуальная оппозиция, российская армия, военнослужащие.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; email: armada29@yandex.ru.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00377, https://rscf.ru/project/24-28-00377 «Лингвокогнитивные механизмы формирования образа России в украинских каналах мессенджера Telegram в 2014–2024 гг.».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Никифорова, М. В.* Метафорические образы Вооруженных сил России в украинских Telegram-каналах (на материале публикаций за период с февраля 2022 по февраль 2023 года) / М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 119-128.

Marina V. Nikiforova
Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, armada29@yandex.ru, SPIN code: 9837-0812, https://orcid.org/0000-0002-0635-7065

Metaphorical Images of the Russian Armed Forces in Ukrainian Telegram Channels (Based on Publications From February 2022 to February 2023)

ABSTRACT. *The aim of this article is to look at the specific features of metaphorical representation of the image of the Russian Armed forces in Ukrainian Telegram channels in the first year of the Russian-Ukrainian conflict. The practical research material encompasses metaphorical word usages in the publications of Telegram channels of two Ukrainian media figures — Yu. Butusov* and A. Arestovich**. The study reveals the most frequent metaphorical models that make up the image of the Russian army and investigates their evaluation vectors and pragmatic potential. The research is carried out in line with the cognitive-discursive approach based on the principles of the theory of conceptual metaphor, the theory of metaphorical modeling, as well as certain ideas of linguoculturology and linguistics of information and psychological warfare.*

As a result of the analysis, it has been revealed that the main function of conceptualization of the Russian Armed forces through metaphorical modeling in Ukrainian Telegram channels is creating and cultivating the image of the enemy, which consists in its depersonalization and complete dehumanization. The most frequent metaphors used to reconstruct the image of the Russian Armed forces are the metaphor of fantastic beasts, the animalistic metaphor, the fertilizer metaphor and the ve-

© Никифорова М. В., 2024

hicle metaphor. The enemy dehumanization as the main pragmatic message of all the revealed metaphorical representations is carried out in two directions: the Russian Armed forces appear, on the one hand, as a blunt brute force bringing death and destruction, and on the other hand, as a helpless victim and faceless mass thrown to the Ukrainian troops for destruction.

KEYWORDS: *political communication, political discourse, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, Telegram channels, social networks, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, information and psychological warfare, image of Russia, image of the enemy, conceptual metaphors, metaphorical scenario, conceptual opposition, Russian army, military men.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Researcher of Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (RSF) No. 24-28-00377, https://rscf.ru/en/project/24-28-00377/ "Linguistic and cognitive mechanisms of forming the image of Russia in Ukrainian channels of the Telegram messenger in 2014—2024."

FOR CITATION: *Nikiforova M. V.* (2024). Metaphorical Images of the Russian Armed Forces in Ukrainian Telegram Channels (Based on Publications From February 2022 to February 2023). In *Political Linguistics*. No 6 (108), pp. 119-128. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

С момента начала специальной военной операции в феврале 2022 года в глобальном медийном пространстве началась очередная волна информационно-психологической войны (далее ИПВ), в которой тренд на демонизацию России приобрел не просто массовый, а практически облигаторный характер. Особенно отчетливо это проявилось в первый год вооруженного конфликта, когда как в традиционных, так и в новых медиа — социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах — речевая агрессия в отношении России звучала регулярно и максимально открыто, порой доходя до формулировок откровенно фашистского толка. Например, широкий резонанс не только в России, но и на Украине получила речь Фахрудина Шарафмала, в прямом эфире канала «Украина 24» цитировавшего Адольфа Эйхмана, одного из идеологов нацизма, и буквально призывавшего убивать российских детей (https://yandex.ru/video/preview/800999228674527119).

Очевидно, что при развертывании ИПВ ведущее место в медиадискурсе уделяется отнюдь не объективному освещению событий, а эмоциональным оценкам, созданию и культивированию деструктивных смыслов и образов. Современные медиа как основной канал реализации дискурса ИПВ не просто формируют общественно-политическую повестку и задают информационные тренды; они становятся регулятором общественного мнения, продуцируя в сознании информационного сообщества «правильные» образы и стереотипы, расставляя аксиологические акценты и программируя нужные субъектам информационного воздействия реакции. Как отмечает в своей статье С. В. Бирюков, «куда более легким, нежели создание качественных информационно-политических механизмов, решением проблемы сложности современной публичной политики становятся стереотипизация и мифологизация сознания» [Бирюков 2023: 19]. Именно они, по мнению исследователя, «внешне подчиненные логике общества массовых коммуникаций, в действительности разрушают основания рационального дискурса» [там же]. Добавим от себя, что стереотипизация сознания как механизм ведения ИПВ разрушает не только основы рационального дискурса, но и саму способность человеческого разума к критическому восприятию информации, а следовательно и ее оценке через призму собственной системы координат.

Одним из эффективных способов стереотипизации сознания массового адресата и манипуляции общественным мнением в контексте ИПВ специалистами признается концептуальная метафора [Будаев 2021, 2023; Будаев, Чудинов 2006, 2008; Попова, Зарипов 2017; Лингвистика… 2016, 2019, 2020, 2021; Solopova, Kushneruk, 2021; Чудинов 2012 и др.]. По меткому замечанию И. И. Чумак-Жунь и Г. В. Стручалиной, «современный общепрагматический взгляд на мир сдвинул метафору из сектора „прекрасное“ в сектор „необходимое“» [Чумак-Жунь, Стручалина 2016: 23]: метафора в современной науке о языке рассматривается как особая форма интерпретации действительности и структурирования политической картины мира, а также средство манифестации оценок. Исследователи едины во мнении относительно ее прагматического потенциала: «…метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает широкие возможности для манипуляции массовым сознанием» [Будаев 2021: 94].

Одной из мишеней в развернувшейся в 2022 году ИПВ, а следовательно и сферой-мишенью метафорической экспансии в СМИ стал образ Вооруженных сил России (далее ВС РФ).

Цель настоящего исследования состоит в изучении особенностей метафорической репрезентации образа ВС РФ в украинских Telegram-каналах в первый год вооруженного конфликта между Россией и Украиной.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили фрагменты публикаций, размещенных в период с февраля 2022 года по февраль 2023 года на украинских Telegram-каналах (в скобках указана аудитория канала на момент написания статьи): «БутусовПлюс» (343 тыс.) и «Arestovich / Official» (296 тыс. подписчиков). Авторы каналов — широко известные на Украине и в России медийные личности: Ю. Бутусов* (украинский журналист, главный редактор сайта «Цензор.нет», обозреватель «Зеркала недели», советник Министра обороны Украины в 2020–2021 гг.) и А. Арестович** (украинский политический и военный обозреватель, внештатный советник Офиса президента Украины с декабря 2020 г. по январь 2023 г.). Выбор каналов в первую очередь обусловлен их содержательным наполнением. Канал Ю Бутусова* посвящен главным образом освещению ситуации в зоне боевых действий; канал А. Арестовича**, помимо публикаций психолого-философского содержания, также освещает результаты боевых операций в зоне вооруженного конфликта и предлагает развернутые аналитические комментарии автора на тему военно-политической обстановки на Украине. Заметим, что возможности Telegram как кросс-платформы позволяют авторам размещать не только объемные текстовые фрагменты, но и фото- и видеоматериалы. Публикации также содержат многочисленные ссылки на материалы, размещенные в других медиа, в том числе социальной сети Facebook*** и видеохостинге YouTube. Таким образом, потенциальная аудитория Ю. Бутусова* и А. Арестовича** значительно превышает официальное число подписчиков их Telegram-каналов.

В ходе анализа информационного контента методом сплошной выборки из всех публикаций за первый год вооруженного конфликта было отобрано 220 метафорических единиц со сферой-мишенью «ВС РФ». Определяя данный фрагмент дискурса украинских Telegram-каналов как реализацию ИПВ, мы исходим в первую очередь из того, что анализируемые медиатексты соответствуют основным критериям, позволяющим квалифицировать конкретное сообщение как дискурсивную практику ИПВ [Лингвистика… 2020: 15–17], а именно: 1) наличие в содержании общественно-политической проблематики и 2) негативный оценочный модус в представлении объекта сообщения — мишени в терминах лингвистики ИПВ. В рассматриваемых публикациях мишенью ИПВ является образ России как государства-оппонента и его структурные компоненты, в том числе образ российских ВС.

Анализ метафорических репрезентаций, конструирующих образ ВС РФ, осуществляется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода с опорой на фундаментальные труды в области теории когнитивной метафоры [Lakoff, Johnson 2003] и теории метафорического моделирования [Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012 и др.]. Для анализа эмпирического материала использовалась традиционная методика, предполагающая 1) отбор контекстов и выявление метафорических моделей, участвующих в формировании образа ВС РФ, 2) статистическую обработку примеров с целью ранжирования метафорических моделей на шкале частотности и 3) последующий анализ доминантных метафорических моделей и составляющих их словоупотреблений с целью выявления их прагматического и аксиологического потенциала.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В результате анализа контекстов было выявлено 14 метафорических моделей, участвующих в реконструкции образа ВС РФ. В Таблице 1 представлены данные по распределению моделей на шкале частотности.

Рассмотрим специфику функционирования наиболее частотных метафорических моделей, а именно метафоры, соотносимые с концептуальными сферами «Фантастические существа», «Животные», «Удобрение» и «Транспорт/механизм».

Метафорическая модель со сферой-источником «Фантастические существа»

Как отмечает И. Б. Гасанов, существует обязательная составляющая образа врага — «его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица» [Гасанов 1994: 24]. В этом смысле оценочные единицы, в основе которых лежат стереотипные представления о нечистой силе, становятся эффективным механизмом моделирования образа врага: оппозиция «мы — они» четко проецируется на архетипическую диаду «добро — зло», выстраивая примитивную и однозначно интерпретируемую модель военно-политического противостояния, где Россия и российские военные — материализованное, опредмеченное зло, с которым необходимо бороться.

Таблица 1

Метафорические модели со сферой-мишенью «ВС РФ»

Сферы-источники метафорической экспансии	Количество словоупотреблений	Процентное соотношение, %
Фантастические существа	44	20
Животные	54	24,5
Удобрение	16	7,2
Транспортное средство / механизм	16	7,2
Спортивная цель / мишень	15	6,8
Вещество	15	6,8
Жертва побоев / насилия	13	6
Идущие на смерть / в ад	13	6
Варвары / орда / дикари	10	4,5
Больной организм / опухоль	9	4
Туристы / гости	6	3
Предметы быта	4	2
Строение	3	1
Солянка / окрошка	2	1
Всего:	**220**	**100**

Метафорическая модель представлена следующими единицами, содержащими интегральную сему «нечистая сила»: *черти, упыри, нечисть, хтонь, болотное существо, сатанизм, орки, зомби* и др. Заметим при этом, что лексемы *черти* и *упыри*, апеллирующие к образам дохристианской мифологии, в рассматриваемых контекстах лишены образного компонента и употребляются исключительно как инвективные единицы, цель которых — оскорбить объект высказывания, понизить его статус. Ср.:

– *Херсон сегодня. Рашистским* ***упырям*** *никогда не победить Украину и ее народ!* (БутусовПлюс);

– *Утопление «Москвы» — колоссальное по значению военное событие и крупнейшее поражение российского флота со времён ВМВ (…) Не ходили бы вы,* ***черти****, в Украину)* (Arestovich / Official).

То же самое относится к лексеме *сатанизм* и прилагательному *сатанинский*, которые утратили первоначальную образность и употребляются преимущественно в оценочной функции. Ср.:

– *Щодо жаги помсти українців: у відповідь на* ***сатанізм*** *росіян, українцям треба залишитись цивілізацією* (Arestovich / Official).

Лексема *сатанизм* в приведенном контексте позволяет автору поддерживать тот образ жестоких и лишенных гуманизма российских военных, который активно создается посредством эксплицитных оценок и прямых обвинений — через приписывание ВС РФ многочисленных примеров зверств и мародерства. Кроме того, в цитируемом фрагменте обращает на себя внимание контекстуальная экспликация диады «добро — зло»: *сатанизм* как признак ВС РФ противопоставляется *цивилизации* как признаку Украины, позволяя автору не только демонизировать противника, но и позитивно оценивать «своих».

Ключевым образом в рамках рассматриваемой метафорической модели является образ *орка*. Онлайн-энциклопедия «Википедия» дает следующее определение орков: *«вымышленные гуманоидные существа в фольклоре народов Западной Европы и в современных произведениях жанра фэнтези (…) Орки стали широко известны прежде всего благодаря фэнтезийным произведениям английского писателя Дж. Р. Р. Толкина (…) Их часто наделяют варварской культурой и стереотипной атрибутикой викингов или кочевых народов (…) В большинстве случаев опасность, исходящая от орков, заключается в их количестве, силе и ярости, а не в воинском умении. Армия орков чаще всего представляет собой плохо организованную, хаотичную силу»* (https://ru.wikipedia.org/wiki/Орки). Заметим, что молодой аудитории орки известны также как персонажи компьютерных игр, в том числе созданных по мотивам книг Дж. Р. Р. Толкина.

Использование образа орков в современной массовой культуре актуализирует такие смыслы, как внешнее уродство, грубая сила, жестокость, кровожадность, отсутствие интеллекта и морали, тупое подчинение хозяину, трусость и др. Представляется, что активная эксплуатация лексемы *орки* в отношении России и российских военных призвана в первую очередь вызвать у аудитории реакцию отвращения, ведь чем страш-

нее и ужаснее монстр, тем больше сочувствия и поддержки вызывает тот, кто ему противостоит. Ср.:

– *Росія — це країна* ***орків*** *з важкою кармою, яка існує, щоб показувати світові, як діяти не треба* (Arestovich / Official).

С другой стороны, использование образа орков направлено на высмеивание боевой неэффективности противника, отсутствие у него военной стратегии и организации. Ср.:

– *Це лише одна історія, яка вартує кіносценарію. У підрозділу аеророзвідки "Люфтваффе" таких чимало. Ви точно бачили відео їхньої роботи. Наприклад, "Бегущий орк" — про російського військового, який так довго біг, що привів коптер, а заразом і артилерію на свої позиції* (БутусовПлюс).

В приведенном текстовом фрагменте лексема *орк*, очевидно, выступает как компонент трансформированного прецедентного имени — названия фантастического романа Стивена Кинга и одноименного фильма «Бегущий человек». Автор публикации высмеивает российского военного, стереотипизируя образ скудоумного, непрофессионального противника.

В целом, на наш взгляд, столь активное использование образа орков в украинских Telegram-каналах есть яркая иллюстрация направленного манипулятивного воздействия новых медиа на молодую, социально активную аудиторию. Оперирование хорошо знакомыми молодежи образами и ассоциациями позволяет социальным медиа транслировать однозначную идейно-эмоциональную оценку и, таким образом, провоцировать нужную реакцию на текущие события общественно-политической жизни.

Заметим, что в ряде текстовых фрагментов моделирование образа ВС РФ посредством номинаций с интегральной семой «нечистая сила» предполагает развертывание метафорических образов в сочетании с религиозными концептами и аллюзиями. Ср.:

– *Мы выбрали жить, смеяться и сломать вековечного, чёрного,* ***сатанинского*** *врага. Сломать и додавить гадину ногой — во имя нас, во имя мира, света и будущего. (…) Кремль сделал ставку на длинную волю, на то, что если собрать силы и долго бить в одну точку, рано или поздно — получится пробить. Этому учит их вся их история. Но в этот раз — наступило время нашей истории. Мерзость, которую они вобрали в себя своими решениями — это мерзость «…псов, раз за разом возвращающихся на свою блевоту» (2 Петра, 2:22) И они разожгли в нас огонь — огонь праведной ненависти ко злу, неотделимой от истинной любви к свету. С каждой их подлостью, с каждой их нечеловеческой грязной пакостью наш огонь разгорается все больше и больше. Этот огонь снесет* ***змея, каким бы длинным не было его жало*** (Arestovich / Official).

Приведенный фрагмент, очевидно, является аллюзией к библейскому сюжету о подвиге святого Георгия, который преодолевает страх и побеждает змея, олицетворяющего зло. Мифологический монстр получает в текстовом фрагменте развитие — от абстрактного вековечного, чёрного, сатанинского врага до гадины, которую необходимо додавить ногой, и, наконец, змея, которого нужно обезглавить. Примечательно, что текстовый фрагмент содержит и прямую цитату из Библии — мерзость «псов, раз за разом возвращающихся на свою блевоту», которая, очевидно, имплицирует мысль о неспособности России к покаянию, ее добровольном возвращении к пороку и злу.

В следующем фрагменте образ российских военных также неотделим от образа России в целом и представлен как воплощение дохристианского культа смерти, противопоставляемого «человечеству», в которое автор включает англосаксов, поляков и украинцев. Ср.:

– *Общим местом стало называть то, что на нас навалилось словом «Орда». Но, во-первых, это оскорбление Орды. Во-вторых,* ***зло, которое на нас навалилось — куда более древнее и кромешное.*** *Оно имеет несколько характеристик, которые важно знать: это* ***культ Смерти, он живет и питается смертями людей и животных, — это хуже, чем культ Смерти, это культ не просто мёртвых, это культ самых страшных предсмертных мучений*** *— (…) вышел этот культ из древних болотистых лесов вокруг Москвы, практиковавших* ***Культ Тяжёлых Мучений жертв и каннибализм, — этот Культ —*** *ядовитый, он незаметно, на уровне едва слышных испарений вползает в души людей, и поднимает там не просто первобытное — самое чёрное, гнилое, и страшное из всего спектра первобытного (…) Остановить этот* ***Культ*** *можем только мы, поляки и англосаксы (…) Но остановить это нужно во имя всего мира, ибо это —* ***чёрное дно человечества****, и человечество должно с ним покончить. Вытаскивать Россию и народы России после свержения* ***Культа*** *придётся долго, десятилетиями и всем миром…* (Arestovich / Official).

А вот пример метафорического сценария, где образы современной массовой культуры — *зомби* — взаимодействуют в текстовом пространстве с традиционными об-

разами украинской и русской народной культуры. Ср.:

– *В-третьих,* ***их нарежет, затянет и растворит сама наша земля*** *(…)* ***Что их закружили вихрями, заморили, заблудили — и съедают наши степи и буераки, наши Мавки и Солохи, наши мольфары и вовкулаки, наши Пацюки и характерники, круки и призраки. Что сама эта земля восстала против них*** *и сами законы вероятности повернулись не в их сторону. Российской армии в Украине — конец (…) Не почётная ничья ждёт тут армию* ***мертвецов****, не раунд по очкам, а натуральное военное поражение. Эти идиоты растянули силы (…) Но все это* ***зомби****-наступление — инерция армии мёртвых. А мы — живые. И бьемся за живых. Во имя жизни. Конец армии* ***мертвецов*** *и конец* ***Кощея*** *близок* (Arestovich / Official).

Общим местом во всех приведенных фрагментах является использование контраста. В частности, активно используется контраст цвета, который в свою очередь проецируется на антиномии «жизнь — смерть» и «свет — тьма», где за Россией прочно закрепляется черный цвет и образ смерти: «*чёрный, сатанинский враг», «чёрное дно человечества», «самое чёрное из всего спектра первобытного»*, *«культ смерти»,* «*армия мертвецов»*. Противостоят «черной» России *«огонь праведной ненависти ко злу»*, «*Воля, Свет и Свобода», «Свет внутри нас», «живые».* Во всех трех фрагментах Россия и российская армия стигматизируются как абсолютное зло, враг глобального масштаба, который непременно должен быть уничтожен. При этом тезис об уничтожении врага оформляется в текстах как необходимое условие будущего человечества: во всех цитируемых фрагментах используется предлог *во имя* — единица высокого регистра со значением цели — в сочетании все с теми же образами света и жизни: «*во имя нас, во имя мира, света и будущего*», «*во имя всего мира», «во имя жизни».* Развертывание метафорических сценариев, таким образом, с использованием контраста в качестве композиционного приема, становится эффективным механизмом поляризации оценки, а именно демонизации России и глорификация Украины, а отчасти и всего западного мира. Цепочка прагматических посылов в данном случае выражена максимально эксплицитно: Россия — зло, Украина и западный мир — свет, Россия как воплощение зла должна быть уничтожена во имя света.

Метафорическая модель со сферой-источником «Животные»

Анализ контекстов позволил выявить несколько вариантов рассматриваемой метафорической модели: «ВС РФ — это хищные звери», «ВС РФ — это дичь / жертва», «ВС РФ — стадо/скот/мясо».

Прагматический потенциал первой из представленных моделей состоит в демонстрации звериной натуры противника, отсутствия у него сострадания и человечности. Имплицируется мысль, что противник — вовсе не человек, а опасное животное, от которого нужно защищаться, а следовательно его необходимо уничтожить. Ср.:

– *Удар по мирной колонне в Запорожье. Просто отбиться от этих* ***бешеных животных****, стреляющих по мирным людям, недостаточно. Их нужно добить, в ноль, там в самом их гнезде. Навсегда* (Arestovich / Official);

– *Основна відмінність української і російської армії в тому, що українські захисники вкрай мотивовані. Люди, які свідомо пішли відвойовувати захоплені території* ***з лап окупантів*** *здатні робити робити дива* (БутусовПлюс).

Вторая группа словоупотреблений, реализующих анималистическую метафору, относится к модели «ВС России — это дичь / жертва». Ср.:

– *30-та ОМБр вишукують* ***по норах*** *кожного російського окупанта на Донеччині* (БутусовПлюс);

– *8 січня. Півтори доби, як снігом вкрило околиці Бахмуту; все навкруги лупить та гримає, а ЗСУ* ***полюють*** (БутусовПлюс).

Речь о российских военных в приведенных контекстах ведется уже не с позиции жертвы, а с позиции охотника, хищника.

Рассмотрим еще несколько примеров, где ключевой лексемой реализации метафорической модели выступает существительное *охота* (*укр.* полювання.) Ср.:

Полювання на «вовків» *від тактичної групи «Адам». «Продовжуємо полювання на нашому напрямі. У росіян, як не день, то гра на виживання, як правило, вони програють»* (БутусовПлюс);

– *Бойцы 93-ей бригады под корректировку с беспилотника расстреляли россиян из различных видов оружия, тем пришлось прикрываться телами мертвых сослуживцев, бегать по посадкам и позициям пока на них* ***шла настоящая охота****. Как можно видеть,* ***успешная охота*** (БутусовПлюс).

Как и в предыдущих примерах, метафора охоты транслирует образ профессиональной украинской армии, а также способствует дальнейшей дискредитации действий

ВС РФ, которые изображаются трусливыми, беспомощными, убегающими с поля боя.

Наконец, третья и самая частотная модель в рамках анималистической метафоры — «ВС РФ — это скот / стадо / мясо» — актуализирует семы безликой массы и тупого повиновения и также направлена на умаление статуса российских военных, демонстрацию неэффективности и небоеспособности российской армии. Ключевыми в рамках рассматриваемой модели становятся образ скота, брошенного на убой, и стертая метафора *пушечное мясо*. Ср.:

– *В РФ взращивают новую медийную фигуру — Суровикина. Большой, лысый и говорит правильные слова. На него возлагают лучшие чаяния и надежды армии. Такого начальника хотят видеть россияне, которые* ***без сопротивления идут на убой*** *по мобилизации* (Arestovich / Official);

– *Найшвидший спосіб стати мільйонером в Росії — це поїхати в Україну. Два тижні — і вже повернули родинам разом грошима. Оце швидкість. Зверніть увагу — ніяких імен загиблих влада не оголошує, ніякого трауру, ніякої скорбі. Тільки гроші. Бо набір продовжується, гарматному* ***м'ясу*** *треба доводити тільки потрібну для справи інформацію* (БутусовПлюс).

В некоторых контекстах представление российской армии в образах стада и мяса работает на создание контраста. Так, в следующем примере противопоставляется подход к ведению боевых действий, где российское командование применяет тактику «забрасывания мясом», а украинские военные в образе рыцарей демонстрируют высокое качество военной подготовки. Ср.:

– *Вороже командування намагається порадянські* ***"закидати м'ясом"*** *оборонні позиції (…) Водночас, наші Герої на кількість відповідають якістю. Поки противник* ***йде на забій****, лицарі маневрують та застосовують усі наявні сили і засоби* (Бутусов Плюс).

Заметим, что активно эксплуатируемый образ рыцарей для характеристики украинских военных концептуально встраивается не только в оппозиции «рыцари — жертвы охоты» и «рыцари — стадо». В ряде компьютерных игр, в том числе хорошо известной молодежной аудитории игре «Warcraft», рыцари выступают антагонистами орков, актуализируя такие семантические (и аксиологические) оппозиции, как добро против зла, достоинство против коварства, доблесть против трусости, военное мастерство против грубой силы и т. д. Для молодежной аудитории обозначенная оппозиция носит, пожалуй, более понятный и объемный характер, чем первые две, ведь актуализирует не один конкретный параметр противопоставления (например, рыцарь-охотник и его жертва), а целый спектр полярно коннотатируемых значений. Метафорическое моделирование как инструмент ИПВ, таким образом, действует максимально направленно и эффективно.

Как частный случай метафорической модели «ВС РФ — это мясо» мы склонны рассматривать модель «ВС РФ — это корм / шашлык», которая занимает промежуточное положение между анималистической и гастрономической метафорой. Ср.:

– *Украинские воины 3 марта разгромили колонну российских десантников на улице Гостомеля — на видео уничтожено 5 БМД вместе с экипажами. Никто из оккупантов не выжил. По официальным данным в Гостомеле. Говорилось же, что весной украинцы любят* ***жарить шашлык*** (Бутусов Плюс);

– *Экипаж продолжает* ***коптиться*** *где-то в танке, было бы интересно снять об этом репортаж* (БутусовПлюс);

– *Враг ждал от нашей ТрО максимум ленивой дремоты в тылу на блок-постах, а* ***получил стальные челюсти, которые его пережуют и выплюнут. Без костей*** (Arestovich / Official).

Прагматический потенциал метафорической модели варьируется от демонстрации безжалостности украинской армии по отношению к российским военным до откровенного высмеивания последних. Очевидно при этом, что цель такого рода саркастических высказываний — не просто высмеять объект иронии, а максимально понизить статус объекта — обезличить его, низвести до состояния вещества.

Характеризуя анималистическую метафору в конструировании образа российских военных как самую частотную, заметим, что данная метафора чрезвычайно востребована и в чатах Telegram-каналов, где она применяется в экспрессивно-оценочной функции. Так, в Telegram-канале Ю. Бутусова* в комментариях к публикациям можно встретить следующие зоонимы, содержащие экспрессивные негативно-оценочные семы: *Тухлятина* ***свинособачья****. Мало!* ***Тараканы*** *поганые; Московитская* ***падаль****!;* ***Поросёнок грязно**ый*** *больше не сможет* ***хрюкать****, за это его* ***свиноматка*** *ладу получит* и др. Заметим, что в большинстве случаев применяемые пользователями Telegram-канала зоонимы не актуализируют вторичные значения лексем — конкретные свойства животных, проецируемые на человека, — а лишь в допустимой с точки зрения онлайн-коммуникации форме (в отличие от «непеча-

таемой» обсценной лексики) транслируют крайне негативные эмоции в отношении российских военных. Функция зоонимов в данном случае — вербализация агрессии, а учитывая специфику онлайн-коммуникации, еще и способ поддержания и культивирования агрессивного поведения в отношении объекта сообщения.

Метафорическая модель со сферой-источником «Удобрение»

По своей коннотативной нагрузке метафора удобрения близка рассмотренной ранее метафоре *корма*: российские военные вновь предстают в образе тупой безликой массы, брошенной на уничтожение. Ср.:

– *«Украинцы просят военнослужащих РФ, сосредоточенных у границ с Украиной, на всякий случай положить в карманы семена плодовых деревьев, чтоб это все обрело хоть какой-то смысл. Кроме танкистов. Тут все бессмысленно». Не мое. С удовольствием поставлю автора* (Arestovich / Official);

– *Следующей весной* ***хлеба у нас будут подниматься не в пример дружнее,*** *чем надысь* (Arestovich / Official);

– *Где-то на украинской земле российские оккупанты* ***ждут посевную*** (БутусовПлюс)*;*

– *…ребята из разведывательной группы К2 54-й ОМБр отслеживали эти участок местности со своих "птичек" и когда увидели, что "русо туристо" перешли границу дозволенного, вместе со своими друзьями* ***пустили их на удобрение*** *для нашей плодородной земли* (БутусовПлюс).

Как можно видеть, все фрагменты, реализующие метафору удобрения, характеризуются иронично-саркастической тональностью, которая при этом в большинстве случаев усиливается использованием дополнительных стилистических средств и приемов: в первом фрагменте это применение парцелляции как средства расставления смысловых акцентов, во втором — откровенно саркастическое сравнение с использованием украинского наречия *надысь,* в четвертом — использование прецедентного текста, знаменитой фразы из кинокомедии «Невероятные приключения итальянцев в России» с закрепленной за ней шутливо-ироничной коннотацией.

Не ставя задачей этическую оценку анализируемого контента, позволим себе тем не менее отметить, что метафоры удобрения, как и ранее рассмотренные метафоры корма применительно к российской армии отличаются особым цинизмом, ведь вербальная агрессия в данном случае направлена против уже погибших военных. Использование подобной «образности» в отношении погибших воинов, несомненно, противоречит не только принципам военного дела, но в первую очередь общечеловеческим нормам морали и этики.

Метафорическая модель со сферой-источником «Транспортное средство / механизм»

Ключевой образ в рамках рассматриваемой метафоры — образ машины с наведенными семами бездушного разрушения и грубой силы. Ср:

– *Завалы, по сообщениям местных разобрать пока возможности нет. Слов и оценок у меня уже нет. Чувств тоже. Есть ощущение — тупой, бесчеловечной* ***машины, которую нужно сломать. Сломаем*** (Arestovich / Official);

– *Українці знищують росіян та наступають при багатократній технічній перевазі ворога, і ціна цих безпрецедентних подвигів дуже важка — життя наших кращих громадян, які знищують* ***військову машину*** *Путіна, яка нещодавно погрожувала дійти до Ла-Манша та захопити Європу* (Бутусов Плюс).

Особо следует отметить примеры развертывания метафоры военной машины. Отражая технические особенности устройства транспортного средства, подобные метафорические словоупотребления создают в сознании реципиента еще более яркие образы военно-политического противостояния, а следовательно обладают большим прагматическим (манипулятивным) потенциалом. Ср.:

– *Военный* ***каток, который катила*** *путинская армия* ***в гору изо всех сил, остановился и начинает по миллиметру прокручивать кровавые витки в обратную сторону*** *(*Arestovich / Official).

Образ военного катка с кровавыми витками в цитируем фрагменте не только проецирует деструктивный образ российской армии, но и актуализирует сценарий военного поражения ВС РФ.

В следующем контексте можно наблюдать развертывание метафорического образа поезда, который катится в пропасть. Ср.:

– *Путинская армия —* ***поезд в огне, который катится в пропасть.*** *Поражения на фронте принесут необратимые последствия в самой России. Этот* ***поезд*** *потянет за собой всё. А машинист этого* ***охваченного пламенем ржавого поезда*** *— Владимир Владимирович Путин привёл Россию к катастрофе, и за это будут расплачиваться будущие поколения россиян* (Arestovich / Official).

Цитируемый фрагмент — еще один пример взаимодействия транспортной метафо-

ры и метафоры пути, которые моделируют образ будущего России. Автором рисуется образ неотвратимой, неизбежной катастрофы, виновник которой известен и жертвы заранее определены. Транслируется мысль об обреченности России, отсутствии у нее перспектив и будущего как такового.

Не останавливаясь подробно на анализе менее частотных метафорических моделей, участвующих в создании образа ВС РФ в украинских Telegram-каналах, заметим тем не менее, что составляющие их словоупотребления также характеризуются исключительно отрицательным вектором оценки. Что касается прагматической нагрузки метафор, то контекстуальный анализ подтверждает двунаправленный характер моделирования образа врага: с одной стороны, ВС РФ демонизируются, предстают в образе агрессивной, грубой силы; с другой стороны, российские военные изображаются непрофессиональными, неэффективными, обреченными на уничтожение армией Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ метафорических словоупотреблений, участвующих в формировании образа ВС РФ в украинских Telegram-каналах в первый год вооруженного конфликта между Россией и Украиной, позволяет заключить следующее.

1. Основная функция концептуализации ВС РФ посредством метафорического моделирования — создание и культивирование образа врага, заключающееся в его обезличивании и полной дегуманизации. Сказанное подтверждается высокой частотностью анималистической метафоры, метафоры нечисти, метафоры удобрения и метафоры транспортного средства. В то же время следует признать амбивалентный характер создаваемого метафорического образа: ВС РФ предстают, с одной стороны, как тупая грубая сила, приносящая смерть и разрушение, а с другой стороны, как беспомощная жертва и безликая масса, брошенная украинским войскам на уничтожение. Поскольку аудиторией Telegram-каналов, которые все громче заявляют о себе в глобальном информационном пространстве и все чаще становятся регулятором общественного мнения, являются не только обычные наблюдатели, но и непосредственные участники военных действий, представляется, что метафора в данном случае из средства интерпретации и оценки становится средством вполне осязаемой пропаганды, направленной на повышение мотивации украинских военных для продолжения боевых действий и их убеждение в скорейшей победе над противником.

2. Манипулятивный и стереотипогенный потенциал метафоры при формировании образа ВС РФ связаны с ее способностью формировать идейно-смысловые (семантические и аксиологические) оппозиции, позволяющие поляризировать оценку и программировать реакцию восприятия: посредством метафоры авторы Telegram-каналов не только дискредитируют «чужих», понижая их статус, но и создают мелиоративный образ «своих», символически возвышая их над противником.

3. Метафорические словоупотребления в качестве средства моделирования образа ВС РФ в украинских Telegram-каналах выступают в тесной связи с максимально эксплицитными формами речевой агрессии, включающими негативно-оценочную лексику, угрозы и язвительную сатиру. Метафоры, таким образом, поддерживают создаваемый образ России-врага и способствуют его дальнейшей стереотипизации в сознании аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Бутусов Юрий Евгеньевич включен Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов.

** Арестович Алексей Николаевич включен Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов.

*** Социальная сеть, принадлежащая компании Meta, деятельность которой запрещена в России как экстремистская.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

https://t.me/s/ButusovPlus
https://t.me/O_Arestovich_official

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирюков, С. В. Образ современной России: западные стереотипы и российские реальности / С. В. Бирюков. — Текст : электронный // Перспективы : электронный журнал. — 2015. — № 5. — С. 19–33. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovremennoy-rossii-zapadnye-stereotipy-i-rossiyskie-realnosti (дата обращения: 07.07.2024).

2. Будаев, Э. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. — Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2021. — 217 с. — Текст : непосредственный.

3. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 248 с. — Текст : непосредственный.

4. Будаев, Э. В. Монархические метафоры как механизм концептуализации Д. Трампа в СМИ России / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. — 2023. — № 1. — С. 34–49.

5. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасанов. — Москва : РАУ, 1994. — 40 с. — Текст : непосредственный.

6. Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6. — С. 12–22.

7. Лингвистика информационно-психологической войны: коллективная монография. Кн. I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 280 с. — Текст : непосредственный.

8. Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ;

под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 488 с. — Текст : непосредственный.

9. Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.

10. Лингвистика информационно-психологической войны: моногр. Кн. IV / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаврилов [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 340 с. — Текст: непосредственный.

11. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (13–17 сент. 2010 г., Екатеринбург). — [Б. м. : б. и.], 2010. — 238 с. — Текст : непосредственный.

12. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5. — С. 125–129.

13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.

14. Чумак-Жунь, И. И. Прагматический потенциал ольфакторной метафоры / И. И. Чумак-Жунь, Г. В. Стручалина. — Текст : непосредственный // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2016. — Т. 31. — № 21 (242). — С. 23–30.

15. Lakoff, G. Metaphors we Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 256 p. — Text : unmediated.

16. Solopova, O. A. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse / O. A. Solopova, S. L. Kushneruk. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Vol. 25, no. 3. — P. 723–745.

MATERIALS

https://t.me/s/ButusovPlus

https://t.me/O_Arestovich_official

REFERENCES

1. Biryukov, S.V. (2015). Obraz sovremennoj Rossii: zapadnye stereotipy i rossijskie real'nosti [The image of today's Russia: western stereotypes and Russian realitites]. *Perspektivy.* Elektronnyj zhurnal, *S*, 19–33. Retrieved Jul 7, 2024, from https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovremennoy-rossii-zapadnye-stereotipy-i-rossiyskie-realnosti (In Russ.)

2. Budaev, E.V., Solopova, O.A., Zaripov, R.I., & Boyko, A.V. (2021). *Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI* [A metaphorical image of the future of Russia in foreign media]. Saint Petersburg: Nauko-emkie tekhnologii, 217 p. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Metaphor in political communication: monograph.* Moscow: Flinta: Nauka, 248 p. (In Russ.)

4. Budaev, E.V. (2023) Monarhicheskie metafory kak mekhanizm konceptualizacii D. Trampa v SMI Rossii [Monarchical metaphors as a mechanism for conceptualizing D. Trump in the Russian medi]. *Uchenye zapiski NTGSPI, 1,* 34–49.

5. Hasanov, I.B. (1994). *Nacional`ny`e stereotipy` i «obraz vraga»* [National stereotypes and the "image of the enemy"]. Moscow: RAU, 40 p. (In Russ.)

6. Kushneruk, S.L. (2019). Traektorii issledovaniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny v rossiyskoy lingvistike [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Political Linguistics*, *6*(78), 12–22. DOI: 10.26170/pl19-06-01. (In Russ.)

7. Skovorodnikov, A.P. (Ed.) (2017). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War: monograph] (Part 1). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Rus.)

8. Bernatskaya, A.A., Gavrilov, L.A., Zhilina, V.A., et al. (2019). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War:monograph] (Part 2). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 488 p (In Rus.)

9. Bernatskaya, A.A., Gornostaeva, Yu.A., Evseeva, I.V., et al. (2020). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny :monogr.* [Linguistics of the Information and Psychological War:monograph] (Part 3). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 344 p. (In Rus.)

10. Bashkova, I.V., Borovoj, E.M., Gavrilov, L.A., et al. (2021). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr.*[Linguistics of the Information and Psychological War: monograph] (Part 4). Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Rus.)

11. *Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory* [The image of Russia in foreign political discourse: stereotypes, myths and metaphors] (2010). Materials of the Intern. scientific conf. (September 13–17, 2010, Ekaterinburg). (In Russ.)

12. Popova, T.G., & Zaripov, R.I. (2017). Metaphorical representation of Russia's image in western media [Osobennostimetaforicheskoy reprezentatsii obraza Rossii v zapadnykh SMI]. *Political Linguistics, 5*, 125–129. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2012). *Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)

14. Chumak-Zhun, I.I., & Struchalina, G.V. (2016). Pragmaticheskij potencial ol'faktornoj metafory [Pragmatic potential of the alfactory metaphor]. *Scientific bulletin of BelSU, 31*(21(242)), 23–30.

15. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003). *Metaphors we Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 256 p.

16. Solopova, O.A., & Kushneruk, S.L. (2021). War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics, 25*(3), 723–745.